

Нѣчто о характерѣ нашего времени. (Нѣсколько словъ по поводу одной журнальной статьи).

"Вѣкъ безъ идеаловъ -- таковъ приговоръ нашему времени".

"Вѣкъ безъ идеаловъ, вѣкъ безъ будущности, безъ имени, какое-то тусклое пятно въ исторіи".

Эти печальныя слова взяты нами изъ *Русскаго Вѣстника* нынѣшняго года (см. *юль*, стр. 427). И сужденіе это произнесено не мимоходомъ, а составляетъ едва ли не главную тему нѣсколькихъ статей, въ которыхъ оно поясняется разборомъ современныхъ произведеній русской литературы и повторяется въ различныхъ формахъ и развитіяхъ. "Недугъ безъидеальности, беспринципности, страшный упадокъ умственнаго и нравственнаго уровня", -- выраженія, которыя тутъ встрѣчаются на каждой страницѣ, какъ характеристика нашего времени. Приведемъ еще одно особенно настойчивое мѣсто изъ послѣдней книжки:

"Отсутствіе идеаловъ, ненависть къ идеаламъ, протестъ противъ духовнаго неравенства, протестъ ординарныхъ умовъ противъ болѣе развитыхъ организацій -- вотъ исходный пунктъ броженія, грозящаго обществу общимъ пониженіемъ интеллектуальнаго и нравственнаго уровня. Дѣйствительно, подъ видимыми успѣхами того матеріальнаго прогресса, которымъ такъ кичатся ординарные, средніе умы, наше время таитъ въ себѣ симптомы внутренняго упадка" (*Русск. Вѣстн.* 1873, августъ, стр. 829).

Такія мнѣнія стоятъ того, чтобы на нихъ остановиться; они безъ сомнѣнія составляютъ выраженіе того чувства, которое давно знакомо многимъ, и не разъ было выражаемо, но которому суждено все больше и больше распространяться, -- чувства, что люди потеряли руководящую нить своего прогресса, что въ наше время происходитъ крушеніе старыхъ началъ жизни и не видно нарожденія новыхъ. Сознаніе того, что въ такомъ именно положеніи находится дѣло человѣческаго развитія, по немногу пробивается вездѣ, и нѣкоторыя черты этого положенія уже очень ясны.

Во первыхъ ясно, что прежнія начала утрачены не въ какомъ нибудь отдѣльномъ обществѣ, не въ отдѣльной странѣ или литературѣ, а во всемъ просвѣщенномъ мірѣ. Внутреннее разложеніе той цивилизаціи, которая одну себя считаетъ за цивилизацію, то есть западной или европейской цивилизаціи -- вотъ явленіе, о которомъ первая мысль принадлежитъ нашимъ славянофиламъ, но которое потомъ, послѣ 1848 года, все чаще и яснѣе сознается самою Европою. Объ этомъ много и вѣско сказано у Герцена, Прудона, Ренана, Карлейля.

Что же касается до насъ, русскихъ, то въ нашей литературѣ и въ нашемъ умственномъ настроеніи только отразилось состояніе духовной жизни Европы. Вліяніе Европы на насъ всесильно, въ особенности на тѣхъ изъ насъ, кто неспособенъ къ большой самостоятельности, слѣдовательно на массу, на большинство, почти на всѣхъ. За немногими исключеніями, которыя за то тѣмъ блистательнѣе, чѣмъ рѣже, мы слѣпо движемся по тому направленію, куда гонить насъ примѣръ Европы. И такъ разложеніе старыхъ началъ въ Европѣ должно было отразиться у насъ какъ бы съ физическою неизбѣжностію. Если это не такъ замѣтно съ перваго взгляда, то причина въ особенныхъ обстоятельствахъ маскирующихъ явленіе. Наша литература и наше общество почти сплошь состоятъ изъ западниковъ, но разумѣется большая часть ихъ не представляетъ ничего яснаго и опредѣленнаго; безтолковая путаница идей, самыя пестрыя сочетанія разнородныхъ понятій -- вотъ обыкновенное состояніе нашихъ умовъ. Но если взять людей болѣе послѣдовательныхъ и нѣсколько серьезно вдумывающихся въ свои убѣжденія, то и тутъ нужно различать два разряда. Одни -- западники послѣдовательные, съ жаромъ и смѣлостію принимающіе идеи Европы; такіе умы непремѣнно приходятъ къ большому или меньшему нигилизму, то есть повторяютъ въ себѣ духовное состояніе Европы, давая ему только рѣзкія и даже своеобразныя черты въ силу того возбужденія, которое свойственно неопитамъ. Другіе -- западники непослѣдовательные, старовѣры, медлители, западники на манеръ сороковыхъ годовъ. Эти люди, не имѣя жара и смѣлости нигилистовъ, стараются за то опереться на обширныя и основательныя познанія, и сюда принадлежатъ многіе люди, отличающіеся большимъ образованіемъ. Они упорно отвергаютъ нигилизмъ, упорно преклоняются передъ Западомъ, и не смотря на то ихъ мысли и убѣжденія остаются на степени очень смутныхъ надеждъ и стремленій. Они любятъ, какъ говорится, *все прекрасное и высокое*, но поражены бываютъ страннымъ безсиліемъ, непреодолимымъ раздумьемъ въ самыхъ существенныхъ вопросахъ. Голоса этихъ людей иногда раздаются очень громко, но ничего цѣлаго и связнаго не выходитъ изъ этихъ отдѣльныхъ умныхъ рѣчей. Очень часто эти разумные и просвѣщенные люди стыдятъ нашу литературу ея глупостями и настойчиво указываютъ на Западъ, въ которомъ, имъ кажется, есть какія-то твердыя начала. Между тѣмъ что мы видимъ на опытѣ, на фактѣ? Люди съ отѣнкомъ нигилизма не только указываютъ на Западъ, но и подражаютъ ему въ своихъ писаніяхъ, усердно переводятъ его книги, горячо